

Глава первая

Холли зарылась лицом в голубой свитер, вдохнула знакомый запах, и невыносимое горе снова накрыло ее тяжелой удушливой волной, пронзило ее насквозь, разрывая сердце. По спине и шее прокатился озноб, в горле встал комок, не давая вздохнуть. Ее охватила паника. В доме стояла тишина, нарушаемая только жужжанием холодильника на кухне да редким постаныванием труб. Она была одна. Желчь поднялась к самому горлу. Она побежала в туалет и рухнула на колени перед унитазом.

Реальность заключалась в том, что Джерри ушел и никогда не вернется. Никогда больше ей не провести рукой по его мягким волосам, не засмеяться его шутке за ужином с друзьями, не заплакать на его плече после тяжелого дня на работе, когда ей так нужно, чтобы он ее обнял, не уснуть с ним в одной постели и не проснуться утром от его оглушительного чиха, никогда не хохотать вместе с ним до колик в животе, никогда не спорить, чья очередь вылезать из постели, чтобы выключить свет в спальне. Все, что ей оста-

лось, — это ворох воспоминаний и его лицо, которое с каждым днем утрачивало ясность очертаний.

Их план был предельно прост: прожить вместе всю жизнь. Все, кто их знал, не сомневались: этот план вполне осуществим. Лучшие друзья и любовники, они подходили друг другу как две половинки одного целого, обреченные быть вместе, — так думали все. Но, как это часто случается, настал день, когда злая судьба распорядилась по-другому.

Конец пришел слишком рано. Джерри несколько дней мучился головной болью, и Холли заставила его пойти к врачу. В следующую среду он в обеденный перерыв поехал в больницу. Поначалу врач предположил, что головные боли вызваны стрессом или усталостью, так что самое страшное, что ожидает Джерри, — это необходимость носить очки. Эта перспектива не очень-то его обрадовала. Он расстроился, представив себя очкариком. Но он зря беспокоился — с глазами у него все оказалось в порядке. У него нашли опухоль в мозгу.

Холли нажала на кнопку смыва и, дрожа от холода, с трудом поднялась с кафельного пола. Ему было тридцать. Может, он и не был таким уж здоровяком, но все-таки выглядел вполне нормальным, чтобы... ну, чтобы прожить нормальную жизнь. Когда ему стало совсем худо, он все мужественно шутил, что не стоило так себя беречь. Что ему мешало баловаться наркотиками, пить, путешествовать, прыгать с парашютом, удалять воск волос на ногах... Он включал в этот список все новые и новые пункты. И хотя он вроде бы смеялся, Холли видела в его глазах сожаление. Он жалел о том, чего уже не успеет сделать, о местах, в которых

так и не побывает, о будущем, которого у него больше не будет. Жалел ли он о годах, которые прожил с ней? Холли никогда не сомневалась в том, что он ее любит, но теперь испугалась: вдруг ему покажется, что он зря потратил с ней драгоценное время.

Теперь ему отчаянно хотелось дожить до старости, которая перестала видеться неизбежным кошмаром. Раньше они не верили, что старость может стать пределом мечтаний — какая самонадеянность! Они изо всех сил старались отсрочить старость.

Холли слонялась из комнаты в комнату, глотая крупные соленые слезы. Глаза покраснели и причиняли боль. Ей казалось, что эта ночь никогда не кончится. Ни в одной из комнат она не находила покоя, во всем доме царил угрюмая тишина. Она посмотрела на мебель, и ей вдруг так захотелось, чтобы диван протянул к ней руки и обнял ее. Нет, он оставался равнодушным.

Джерри бы ее не одобрил, подумала она. Она сделала глубокий вдох, вытерла слезы и постаралась взять себя в руки. Нет, ему это совсем не понравилось бы.

Как и все эти последние недели, она только под утро забылась некрепким сном. И, как каждое утро, проснулась в неудобной позе там, где накануне заснула, — сегодня на диване в гостиной. И снова ее разбудил телефонный звонок. Очередной заботливый родственник или кто-то из друзей. Они, наверное, думали, что она спокойно спала всю ночь. Где они были, когда она бродила по дому как зомби, не находя себе места в поисках... Чего? Что она пыталась найти?

— Алло, — ответила она слабым голосом, хриплым от пролитых слез. Она уже давно бросила попытки храбриться. Умер ее самый лучший друг, и разве кому-нибудь понять, что никаким количеством косметики, свежего воздуха или шоппинга не заполнить дыру в ее сердце.

— Ой, прости меня, солнышко, я тебя разбудила? — Холли узнала обеспокоенный голос своей матери. Мать звонила каждое утро, чтобы убедиться: Холли пережила еще одну одинокую ночь. Как ни боялась она ее разбудить, все же каждый раз, услышав ее, испытывала радостное облегчение — значит, дочь снова сумела сразиться с ночными призраками.

— Нет, ничего страшного, я просто вздремнула. — Холли всегда отвечала одно и то же.

— Твой отец и Деклан уехали, и я подумала о тебе, зайка.

Почему при звуках этого родного, утешающего голоса у Холли на глаза всегда наворачивались слезы? Она представила себе лицо матери с тревожно нахмуренными бровями, с наморщенным лбом. Оно ее не успокоило, а, наоборот, заставило вспомнить, почему родные так о ней беспокоятся. Лучше бы не беспокоились, лучше бы все шло нормально, и Джерри сидел бы сейчас рядом, закатывал глаза и смешил ее, пока мать что-то болтала по телефону. Как часто Холли приходилось передавать трубку Джерри, потому что сама она от хохота не могла больше вымолвить ни слова! Он непринужденно беседовал с ее мамой, не обращая никакого внимания на Холли, которая скакала, как сумасшедшая, вокруг кровати, корча дурацкие гримасы, пытаясь в отместку и его рассмешить. Ей это редко удавалось.

Она старательно агакала и хмыкала на протяжении всего разговора, хотя мало что из него понимала.

— Сегодня чудесная погода, Холли. Почему бы тебе не пойти прогуляться? Подышишь свежим воздухом.

— Ну да, наверное. — Опять она о свежем воздухе, как будто он панацея от всех ее бед.

— Хочешь, я заеду к тебе попозже и мы поболтаем?

— Нет, мам, спасибо, не надо.

Они помолчали.

— Ну, хорошо... Если передумаешь, перезвони. Я сегодня весь день дома.

— Хорошо.

Снова молчание.

— Спасибо, мам.

— Ну ладно, береги себя, детка.

— Хорошо, мам. Не волнуйся.

Холли собиралась повесить трубку, когда мать спохватилась:

— Ой, Холли, чуть не забыла. То письмо все еще ждет тебя — помнишь, я тебе о нем говорила? Оно на кухонном столе. Может, заедешь? А то оно валяется у нас уже несколько недель... А вдруг там что-то важное?

— Да вряд ли. Наверное, просто еще одно выражение соболезнований.

— Нет, зайка, не думаю. Оно адресовано тебе, и там еще приписано... Подожди, я за ним схожу...

Мать Холли положила трубку на стол, и Холли услышала стук каблуков по кафельному полу, скрежет передвигаемого стула, снова стук шагов. Мать снова заговорила:

СЕСИЛИЯ АХЕРН

— Ты слушаешь?

— Да.

— Здесь сверху стоит слово «Список». Может, это с работы или что-то в этом роде? Ты бы все-таки заехала, а?..

Холли выронила трубку.

Глава вторая

— Д жерри, выключи свет!
Холли хихикала, глядя, как ее муж раздевается перед ней. Он показывал стриптиз, нарочито медленно расстегивая своими длинными худыми пальцами белую рубашку. Он подмигнул Холли и приподнял одну бровь, рубашка соскользнула с его плеч, он поймал ее правой рукой и через голову швырнул в угол спальни.

Холли снова расхохоталась.

— Выключить свет? Но тогда ты ничего этого не увидишь!

Джерри, играя мышцами, лукаво улыбнулся. Он никогда не кичился своей фигурой, хотя и мог бы — поводов ему хватало, подумала Холли. У него было сильное и прекрасно тренированное тело. Часы в тренажерном зале сделали его длинные ноги мускулистыми. Не отличаясь особенно высоким ростом, он все-таки возвышался над Холли, которая со своими пятью футами пятью дюймами рядом с ним чувствовала себя совершенно защищенной. Ей страшно

нравилось, обнимая его, уткнуться головой ему в подбородок и ощутить у себя на волосах его дыхание.

Ее сердце забилося сильнее, когда он спустил трусы, поймал их пальцами ноги и бросил в нее так, что они приземлились ей на голову.

— Ну, по крайней мере, так темнее, — засмеялась она. Он всегда умел ее рассмешить. Когда она возвращалась с работы, усталая и злая, он с сочувствием выслушивал ее жалобы. Они очень редко ругались, а если и ссорились, то по пустякам, над которыми потом вместе смеялись, например, по поводу того, кто оставил свет на террасе гореть целый день или кто забыл вечером включить сигнализацию.

Джерри закончил свой сеанс стриптиза и прыгнул в постель. Он удобно устроился рядом с ней, сунув свои ледяные ступни ей под ноги, чтобы согреться.

— А-а-а-а! Джерри, у тебя вместо ног ледышки!

Холли знала, что означала эта поза, — что он не сдвинется ни на дюйм.

— Джерри! — В голосе Холли звучала угроза.

— Холли, — передразнил он.

— Ты ничего не забыл?

— Нет, по-моему, нет, — ответил он.

— А свет?

— Ах, да, свет, — сказал он сонным голосом и изобразил громкий храп.

— Джерри!

— Насколько я помню, вчера ночью мне уже пришлось вылезать из-под одеяла и выключать свет.

— Но ты же секунду назад стоял рядом с выключателем!

— Да-да... — сонно повторил он. — Всего секунду назад.

Холли вздохнула. Ей ужасно не хотелось вылезать из уютной теплой постели, шлепать по холодному полу, а потом, спотыкаясь в темноте, пробираться обратно к кровати.

— Не могу же я все время все делать сам. Понимаешь, Хол? Когда-нибудь меня не станет, и как ты будешь тогда?

— Заставлю выключать свет своего нового мужа, — сердито буркнула Холли, выбираясь из-под его холодных ног.

— Ах вот как?!

— Или сама буду не забывать выключить свет, пока не легла.

— Вот уж чему не бывать, тому не бывать, — фыркнул Джерри. — Ну ладно. Накануне кончины я прилеплю на выключатель записку. Тогда ты, моя хорошая, может, еще и вспомнишь.

— Какая забота! Но лучше просто завещай мне все свои деньги.

— И еще одну записку на обогреватель, — продолжил он.

— Ха-ха.

— И на пакет с молоком.

— Очень смешно, Джерри!

— Да, чуть не забыл — еще на окна, чтобы ты по утрам не открывала их при включенной сигнализации.

— Слушай, может, тебе просто составить для меня список всего, что я должна делать? И приложи его к завещанию! Раз уж ты так уверен, что без тебя я прожить не в состоянии?

— Неплохая идея, — рассмеялся он.

— Прекрасно, я сама выключу этот чертов свет.

Недовольная Холли вылезла из кровати, ступила на ледяной пол, скорчив гримасу, и выключила свет. Затем она вытянула руки перед собой и как слепая начала медленно продвигаться к кровати.

— Эй, Холли! Ты что, заблудилась? Ау! Здесь есть кто-нибудь? — кричал Джерри из темноты.

— Есть, есть! О-о-ой-ой-ой! — взвизгнула она, ударившись ногой о ножку кровати. — Черт, черт, черт, черт, блин, черт, дерьмо!

Джерри подавил рвущийся наружу смех и спрятал голову под одеяло.

— Второй пункт в моем списке: опасайся ножек кровати... — прогудел он оттуда.

— Джерри, заткнись! И перестань говорить о смерти, — огрызнулась Холли, массируя свой бедный палец.

— Хочешь, я его поцелую? — спросил он.

— Ничего, все нормально, — скорбно отозвалась Холли. — Сейчас просто суну ноги под одеяло, чтобы согреться...

— А-а-а-а! Боже, они как ледышки!

И это ее снова рассмешило.

Так и родилась эта самая шутка про список. Этой дурацкой идеей они поделились со своими лучшими друзьями — Шэрон и Джоном Маккарти.

Именно Джон, когда им было по четырнадцать, подошел в школьном коридоре к Холли и произнес классическую фразу: «Один мой друг хочет с тобой гулять». Потратив несколько дней на горячие обсуждения с подругами, Холли в конце концов уступила.

— Да соглашайся ты, Холли, — убеждала ее Шэрон. — Он такой красавчик! По крайней мере, не такой прыщавый, как Джон.

Как Холли теперь завидовала своей подруге! Шэрон и Джон поженились в тот же год, что и Холли с Джерри. Холли исполнилось двадцать три, и она считалась в их компании малявкой — остальным стукнуло по двадцать четыре. Кое-кто говорил, что ей рано выходить замуж, — в таком возрасте надо путешествовать и вообще получать от жизни удовольствие. Ну и что? Джерри и Холли просто стали путешествовать вместе. Так было намного лучше, потому что, стоило им расстаться, Холли чувствовала себя так, словно ее тело лишилось какого-то жизненно важного органа.

День, когда они поженились, не стал лучшим днем ее жизни. Как большинство девчонок, она мечтала о сказочной свадьбе: платье как у принцессы и солнечная погода, романтическое место, а рядом — все те, кого она любит. Она ждала праздничного вечера и предвкушала, как будет танцевать с друзьями, как все будут ею восхищаться и она в полной мере ощутит свою исключительность. Реальность оказалась совсем другой.

Она проснулась в родительском доме от громких криков отца («Куда запропастился мой галстук?!») и матери («У меня на голове полный бардак»), заглушаемых воплем: «Черт, я похожа на бегемотиху! Не собираюсь идти на эту чертову свадьбу в таком виде! Да я от стыда сгорю! Мам, посмотри на меня! Пусть Холли ищет себе другую подружку невесты, потому что я никуда не иду! Эй, Джек, отдай этот чертов фен, я еще не закончила!» Это незабываемое выступление

принадлежало младшей сестре Холли Киаре, которая регулярно устраивала истерики и отказывалась выходить из дома под тем предлогом, что ей нечего надеть, хотя ее шкаф ломился от тряпок. Теперь она живет где-то в Австралии, и единственным средством связи с ней стала электронная почта, по которой родственники раз в несколько недель получают от нее письмо. Родители Холли потратили оставшуюся часть утра на то, чтобы убедить Киару, что она самая красивая девушка на свете. А Холли в это время в ужасном настроении одевалась у себя в комнате. Киара в конце концов все-таки согласилась выйти из дома, но лишь после того, как отец, вообще-то человек очень спокойный, заорал на нее так, что все вокруг рот разинули от изумления. «Киара, — кричал он, — эта чертова свадьба Холли, а НЕ ТВОЯ! И ты, черт возьми, поедешь с нами и будешь радоваться за сестру, а когда Холли спустится вниз, ты скажешь ей, что она прекрасно выглядит, и чтоб я больше звука от тебя не слышал весь день!»

Поэтому, когда Холли спустился вниз, все заохали и заахали, а Киара посмотрела на нее сквозь слезы, как ребенок, которого только что отшлепали, и дрожащими губами проговорила: «Ты выглядишь прекрасно, Холли». Всемером они втиснулись в лимузин — Холли, родители, три брата и Киара — и всю дорогу до церкви сидели в испуганном молчании.

Теперь воспоминания о том дне сливались для нее в одно расплывчатое пятно. Ей почти не дали перемолвиться с Джерри — их тянули в разные стороны, чтобы познакомить с двоюродной бабушкой Бетти, которая жила черт знает где и которую Холли до того ни разу в жизни не видела, или двоюродным дедушкой Тоби, который прибыл из Америки и о существо-

вании которого прежде никто даже не упоминал, но который теперь вдруг сделался очень важным членом семьи.

Никто не предупредил ее, что этот день окажется таким утомительным. К концу вечера челюсть у Холли разболелась от улыбок для фотографий, а ноги от беготни на этих идиотских каблуках просто отваливались. Ей ужасно хотелось присоединиться к большому столу, за которым собрались ее друзья, весь вечер радостно хохотавшие и, судя по всему, прекрасно проводившие время. Хорошо некоторым, думала Холли. Но, как только Холли вошла вместе с Джерри в номер для новобрачных, все ее беспокойство растаяло без следа и весь смысл этого дня стал ей совершенно ясен.

Слезы покатались по лицу Холли, и она поняла, что опять бредит наяву. Она неподвижно сидела на диване, а телефонная трубка все еще лежала рядом. В эти дни время как будто текло мимо нее, и она понятия не имела, который сейчас час или даже день недели. Ей казалось, что она живет вне собственного тела, не чувствуя ничего, кроме боли в сердце, в костях, в голове. Она ужасно устала... У нее заурчало в животе, и она попыталась вспомнить, когда ела в последний раз. Вроде бы вчера?

Шаркая, она потащила на кухню, набросив на плечи халат Джерри и сунув ноги в свои любимые розовые тапочки диско-дивы, которые Джерри подарил ей на прошлое Рождество. Он называл ее своей диско-дивой. Она всегда выходила на танцпол первой и покидала клуб последней. Где теперь эта девушка? Она открыла холодильник и устала на пустые полки. Какие-то овощи и давно просроченный йогурт, источавший кошмарную вонь. Она слабо улыбнулась,

встряхнув пакет молока. Пустой. Третий пункт в его списке...

Два года назад перед самым Рождеством Холли вместе с Шэрон отправилась по магазинам, купить платье для бала в отеле «Берлингтон», на который они ходили каждый год. Шопинг в компании с Шэрон всегда был рискованным занятием, и Джон с Джерри шутили, что и на этот раз из-за транжирства своих жен они останутся без рождественских подарков. Они не так уж и ошибались. Бедные забытые мужья — так называли их подруги.

В магазине «Браун Томас» Холли уплатила совершенно неприличную сумму денег за белое платье — самое красивое, какое она когда-либо видела.

— Черт, Шэрон, оно прожжет огромную дыру в моем кармане, — виновато сказала она, закусывая губу и ощупывая мягкую ткань.

— Да не волнуйся ты, Джерри ее заштопает, — ответила Шэрон со своим неподражаемым хохотком. — И перестань называть меня «черт Шэрон». Ты постоянно меня так обзываешь, когда мы ходим по магазинам, а я ведь могу и обидеться. Купи это чертово платье, Холли. В конце концов, сейчас Рождество, время подарков, и все такое.

— Боже, ты просто искусительница, Шэрон! Чтоб я еще пошла с тобой по магазинам! Это платье сожрет половину моей зарплаты. Что я буду делать в оставшиеся две недели?

— Холли, что для тебя важнее — есть или классно выглядеть?

— Я беру его, — обращаясь к продавцу, возбужденно сказала Холли.

У платья был глубокий вырез, выгодно подчеркивавший аккуратную небольшую грудь Холли, а сбоку — разрез, открывавший взорам ее стройные ноги. Джерри глаз от нее не мог оторвать. Но не потому, что она понравилась ему в этом платье. Просто он был не в состоянии понять, почему такой маленький кусок материи так дорого стоит. На балу миссис Дisko-дива, как обычно, слишком увлеклась спиртными напитками и умудрилась испортить платье, забрызгав его красным вином. Холли пыталась сдерживать слезы, но ей это не удалось, а подвыпившие мужчины сочли своим долгом напомнить женам, что под номером пятьдесят четыре в списке идет запрет на употребление красного вина во время ношения безумно дорогих белых платьев. После этого уже никто не спорил, что предпочтительным напитком в этом случае является молоко, так как оно не оставляет следов на безумно дорогих белых платьях.

Чуть позже, когда Джерри уронил свой стакан и пиво полилось со стола прямо на колени Холли, она со слезами на глазах серьезно объявила друзьям и сидящим за соседними столиками посетителям: «Правило пиддидсят пятое. НИКАДА-НИКАДА не пкпайте ддрррогих белых платьев!» С этим все радостно согласились, и даже ШЭрон, лежавшая в коме где-то под столом, очнулась и заплодировала в знак моральной поддержки. Они дождались, когда потрясенный официант принесет поднос, заставленный стаканами молока, и подняли тост за Холли и предложенный ею прекрасный новый пункт списка.

— Соболезную по поводу твоего безумно дорогого белого платья, Холли, — сказал Джон, икнув, после чего выпал из такси и волоком потащил ШЭрон к дому.